



Жизнь Пушкина

МИСТИКА СУДЬБЫ ПУШКИНА

«И С ОТВРАЩЕНИЕМ
ЧИТАЯ ЖИЗНЬ МОЮ...»



ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ

Жизнь Пушкина

Георгий Чулков

**Мистика судьбы Пушкина. «И с
отвращением читая жизнь мою...»**

«Алисторус»

1936

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

Чулков Г. И.

Мистика судьбы Пушкина. «И с отвращением читая жизнь мою...»
/ Г. И. Чулков — «Алисторус», 1936 — (Жизнь Пушкина)

ISBN 978-5-4438-0532-0

Эта одна из лучших книг отечественной пушкинианы впервые была издана в 1936 году и встречена далеко не восторженно, хотя и признана оригинальной. В ней оказалось немало нетрадиционных и неожиданных прочтений даже ставших уже хрестоматийными фактов. Это касалось не только истории женитьбы, поведения Наталии Гончаровой и дуэли Пушкина, но и «жертв», которые он приносил «вечно юному Бахусу». Задавшись целью создать объективное жизнеописание русского гения, его живой психологический портрет, автор книги — известный поэт-символист, прозаик, мемуарист, сторонник мистического анархизма Георгий Иванович Чулков (1879–1939) отталкивался от воспоминаний и признаний самого Пушкина, чье творчество во многом биографично. И нужно лишь внимательно прочитать великого поэта, чтобы увидеть, что хотел сказать о себе он сам.

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-4438-0532-0

© Чулков Г. И., 1936
© Алисторус, 1936

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	7
I	7
II	12
Глава вторая	21
I	21
II	28
III	33
IV	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Георгий Чулков
Мистика судьбы Пушкина. «И
с отвращением читая жизнь
мою...» («Жизнь Пушкина»)

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Предисловие

Труды наших советских пушкинистов обогатили науку превосходными исследованиями – текстологическими и биографическими. Мы восхищаемся детальной разработкой частных проблем пушкинианы, но у нас почти нет работ, в которых подводились бы итоги нашим знаниям текста и биографии Пушкина. У нас нет жизнеописания поэта. Отдельные большие монографии о той или другой поре его жизни или слишком краткие биографические очерки о нем у нас есть, но эти труды не могут заменить простого, но связного и обстоятельного изложения событий жизни поэта. Еще менее могут заменить биографию беллетристические произведения, где героем является мнимый Пушкин и где подлинные факты произвольно сочетаются с вымыслом, и читатель остается в недоумении, где истина и где ложь.

К столетию со дня смерти поэта я хочу издать книгу об его жизни, дабы заполнить этот пробел нашей пушкинианы. Моя книга не будет соперничать с теми обширными критико-биографическими исследованиями, которых мы вправе ждать от наших пушкинистов, но и мой простой и – смею думать – точный рассказ о жизни, трудах, борьбе и смерти Пушкина не будет, надеюсь, лишним.

В основу моей книги я положил воспоминания и признания самого поэта. Он не оставил своей автобиографии, но черновая программа его записок, отрывки юношеского дневника, дневник 1833–1835 годов, его письма и удивительная автобиографичность его поэзии – вот что представлялось мне самым ценным. Мне хотелось написать книгу так, чтобы в ней слышался голос самого Пушкина.

Глава первая

Детство

I

В Москве, 26 мая 1799 года, в ветхом, с продырявленной крышей деревянном домике комиссариатского чиновника Скворцова на Немецкой улице родился Пушкин. В этот день по всем церквам шли молебны, гудели колокола и на улицах обыватели кричали «ура». Москва праздновала рождение внучки императора Павла. Поэт родился как раз в день семейного торжества Романовых, с коими пришлось ему вести нелегкую тяжбу всю жизнь: первое столкновение его с императором случилось, когда ему было года полтора. Эта любопытная встреча произошла в петербургском Юсуповом саду, когда семейство Пушкиных, после поездки в сентябре 1799 года в Псковскую губернию к тестю Ганнибалу,¹ проживало в Петербурге у тещи Марии Алексеевны Ганнибал.² У нее в это время был свой домик в Преображенском полку. Няня, гуляя с маленьким Пушкиным по Юсупову саду, примыкавшему к великолепному дворцу, построенному знаменитым Кваренги, наткнулась на Павла,³ который и сделал ей строгое замечание за то, что она не сняла картуз с ребенка при появлении его величества.

«Видел я трех царей, – писал Пушкин жене весной 1834 года, – первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут...»

В начале XIX века господа Пушкины отнюдь с царями не водились и по своему положению представителей древнего, но захудалого рода были весьма далеки от правящих кругов и царского трона. К несчастью, опальному поэту пришлось под конец жизни, по примеру предков, приблизиться к этому самому трону, который, по словам Лермонтова, «жадной толпой» окружали «свободы, гения и славы палачи».

Пушкин поздно понял, что ему несдобровать в этой компании. В 1830 году, когда еще можно было спастись от царских объятий, поэт писал:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим.
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой...

Петром I в самом деле был повешен 4 марта 1697 года Федор Матвеевич Пушкин,⁴ сын воеводы Матвея Пушкина,⁵ за деятельное участие в стрелецком заговоре Соковнина.⁶

¹ Ганнибал Осип Абрамович (1744–1806) – дед Пушкина.

² Ганнибал Мария Алексеевна (1745–1818, урожд. Пушкина) – жена О. А. Ганнибала, мать Н. О. Ганнибал, бабушка Пушкина.

³ Павел I (1754–1801) – российский император с 1796 г.

⁴ Пушкин Федор Матвеевич (ум. 1697) – сын М. С. Пушкина, в 1696 г. стольник; казнен за участие в стрелецком бунте.

⁵ Пушкин Матвей Степанович (ум. 1706) – в 1679 г. – воевода в Астрахани, в 1682 г. – боярин; в 1697 г. назначен воеводою в Азов, но за провинность сына Федора сослан в Енисейск и лишен «боярской чести».

⁶ Соковнин Алексей Прокофьевич – окольничий, казнен за участие в стрелецком бунте в 1697 г.

Поэт равнодушен был к истории. Он живо интересовался, между прочим, судьбою своих предков. Среди них были примечательные умом, волею, характерами и страстями. Многие были порочны и преступны.

Лет за десять до казни мятежного Федора Пушкина в Разрядный приказ была подана его родственниками родословная роспись, в которой сообщалось, что при Александре Невском «прииде из немец муж честен именем Радша». Этот легендарный Радша считался родоначальником многих фамилий – в том числе и Пушкиных, что и дало повод поэту в «Моей родословной» написать известные строки:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...

Однако если Пушкины и были потомками Радши, или Рачи, то, вероятно, в седьмом колене. А сам Радша не был современником Александра Невского. Он приехал в Новгород едва ли не за сто лет до того. Род Пушкиных ведется от некоего Григория Пушки, жившего в конце XIV и в начале XV века. Это уже лицо не легендарное, а историческое. Среди многочисленных его потомков иные упоминаются в летописях, и поэт встречал их имена в «Истории государства Российского». Он начал было писать в тридцатых годах свои записки.

«Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории, – писал Пушкин. – В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин⁷ принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междоусобия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, сделал честно свое дело. Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольный Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру)...»

Последнее замечание в скобках в духе пушкинской мысли о значении родовитого дворянства, и, в частности, «шестисотлетнего» дворянства Пушкиных. Впрочем, Пушкин был достаточно умен и трезв и понимал, что «имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши родословные». А впоследствии в заметках по поводу «Бориса Годунова» поэт писал: «Из всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное...» Это не мешало ему, однако, живейшим образом интересоваться предками. В «Моей родословной» Пушкин напомнил, между прочим, о судьбе своего деда Льва Александровича,⁸ служившего в артиллерии. В 1762 году он был посажен Екатериной⁹ в крепость и просидел там два года.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,

⁷ Пушкин Григорий Гаврилович (Косой, ум. 1656) – сын Гаврилы Григорьевича; 1607 г. – сокольничий, 1627 г. – стольник; 1644 г. – окольный; 1646 г. – посол в Швеции; 1650 г. – посол в Польшу.

⁸ Пушкин Лев Александрович (1723–1790) – дед А. С. Пушкина; в 1759 г. майор, после переворота 1762 г. заключен в крепость как сторонник Петра III, где пробыл 2 года; в 1763 г. уволен в отставку подполковником артиллерии.

⁹ Екатерина II Великая (1729–1796) – русская императрица, урожденная принцесса Анхальт-Цербтская. Вступила на престол в 1762 г. Ее нелюбимые характеристики содержатся в эпиграмме Пушкина «Мне жаль великия жены» и в «Исторических замечаниях», где он назвал ее «Тартюфом в юбке». Однако в некоторых его произведениях присутствует и ее идеализация («К вельможе», «Перед гробницею святой» и др.).

И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

«Дед мой, – рассказывал Пушкин, – был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова,¹⁰ умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем ее сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина,¹¹ довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвою и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах».

Этот жестокий феодал был, однако, человеком «просветительной эпохи» и родившегося весной 1770 года сына, Сергея,¹² будущего отца поэта, воспитал в духе французского вольнодумства. Сергей Львович был типичным российским «маркизом». Незамысловатую философию XVIII века Сергей Львович усвоил не без удовольствия из книг Вольтера, Гельвеция, Руссо и поэтов, эротических и сентиментальных. Это не мешало ему быть суеверным и поддерживать видимость бытового православия, то есть служить молебны, приглашать на дом приходских батюшек и раз в год говеть. Утром он исповедовался и приобщался, а вечером декламировал со смехом стихи Парни, в коих автор издевался над церковными таинствами. Он служил в лейб-гвардии Егерском полку. В 1798 году он вышел в отставку в чине майора и зачислен был куда-то в комиссариат по продовольственной части. Он, конечно, был масоном. Летом 1814 года, командированный в Варшаву, Сергей Львович вступил в ложу «Северного щита». Пройдя четыре предварительные степени, к концу 1817 года он получил звание «свободного каменщика». К этому времени он уже вышел в отставку и больше никогда не служил.

Сергей Львович постоянно нуждался в деньгах и почитал себя человеком, обиженным фортуною, а между тем в Нижегородской губернии у него было семь тысяч десятин и более тысячи крепостных крестьян. Он не терпел никаких дел и забот. Поместья управлялись бессовестными приказчиками, которые разорили крестьян. Сергей Львович ни разу не удосужился заняться судьбою своих имений. Крестьянскую депутацию он прогнал, не выслушав. Зато он был не ленив на удовольствия. Он полагал, что мир устроен для наслаждений таких изящных и милых господ, как он, Сергей Львович, или его братец, Василий Львович,¹³ небезызвестный стихотворец, автор поэмы «Опасный сосед», в коей описываются нравы публичного дома. У самого Сергея Львовича был талант актера. Он то и дело декламировал то Мольера, то Расина. Никто не умел так весело и удачно организовать любительский спектакль, как он. Нельзя отрицать, что у него был живейший интерес к литературе, а к литературным знакомствам у него было явное пристрастие. Когда он жил в Москве по Большой Хомутовке во дворе графа Санти,¹⁴ все его ближайшие соседи были писатели. Рядом с домом Пушкиных жил поэт Ив. Ив. Козлов, автор «Чернеца»; в Малом Харитоньевском – Василий Пушкин; в Малом Козловском – совсем близко – Ив. Ив. Дмитриев, знаменитый баснописец и сентиментальный

¹⁰ ...урожденная Воейкова... – Марья Матвеевна. От нее Лев Александрович Пушкин имел трех сыновей – Николая (1745–1821), Петра (1751–1825), Александра, умершего раньше братьев. Все были бездетны.

¹¹ Пушкина Ольга Васильевна (1737–1802. урожд. Чичерина) – вторая жена Льва Александровича Пушкина, деда поэта, от которой родились Василий, Сергей, Анна и Елизавета.

¹² Пушкин Сергей Львович (1770–1848) – отец А. С. Пушкина; в 1811 г. – военный советник; в 1814 г. – начальник Комиссариатской комиссии резервной армии в Варшаве; с 1817 г. – в отставке.

¹³ Пушкин Василий Львович (1766–1830) – дядя поэта по отцу, известный стихотворец. Фамилия героя его поэмы «Опасный сосед» (1811) Буянова возникает в «Евгении Онегине». Имя дяди неоднократно упоминалось Пушкиным в стихах. Сам Василий Львович высоко ценил творчество племянника, о чем свидетельствуют два его послания к нему (1829–1830).

¹⁴ Санти Александр Львович (1767–1839) – граф, генерал-интендант 1-й армии, киевский гражданский губернатор.

лирик; по Большой Хомутовке проживала также госпожа Хераскова, вдова, невестка известного писателя, а на ее литературных вечерах появлялись и Карамзин, и Жуковский, и многие другие. В этом кругу Сергей Львович был свой человек. Он смешил дам каламбурами. Он писал в альбомы стихи без малейших затруднений – по-французски и даже по-русски.

Сергей Львович огорчил свою мать, Ольгу Васильевну, урожденную Чичерину, женившись на «бесприданнице», Надежде Осиповне Ганнибал.¹⁵ Однако и эта бесприданница получила после смерти отца в Псковской губернии сельцо Михайловское – в тысячу с лишком десятин. Надежда Осиповна была красива. В свете ее звали «прекрасной креолкой». Она была взбалмошна, ленива и не терпела никаких дел и забот, как и ее супруг.

Родом своей матери Пушкин интересовался не менее, чем отцовским. Он добыл какую-то записку на немецком языке, где излагалась история его прадеда Абрама Ганнибала. Главное в этой записке соответствует действительности и подтверждается иными документами, но кое-что в ней неточно. Сам поэт называл прадеда то негром, то арапом. На самом деле Абрам Петрович Ганнибал родился в Логоне, в Северной Абиссинии, на берегах Мареба, в 1698 году. Отец его был владетельным абиссинским князьком, находившимся в вассальных отношениях к турецкому султану. Восемилетним мальчиком он попал в качестве заложника в султанский сераль. Русский посланник вывез его в подарок Петру I. Царь, будучи в Вильне, крестил его. Абрам Ганнибал (или просто Абрам Петров, как тогда его называли) находился неотлучно при царе, спал у него в токарне, сопровождал его в походах. Сам царь обучал его грамоте и математике. По-видимому, он любил маленького абиссинца. Пушкин рассказал анекдот, который, по его словам, «довольно нечист, но рисует обычаи Петра»: «Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждою и вдруг закричал в испуге: «Государь! Государь! Из меня кишка лезет!» Петр подошел к нему и, увидя в чем дело, сказал: «Врешь: это не кишка, а глиста!» – и выдернул глисту своими пальцами».

В 1717 году Петр отправил своего воспитанника во Францию, в военное училище, обучаться артиллерии и инженерному искусству. В 1722 году он вернулся в Россию и был назначен на строительные работы в Кронштадт. После смерти царя всесильный Меншиков, страшая его влияний, удалил Ганнибала из столицы куда-то в Сибирь, к китайской границе. После падения Меншикова Ганнибалу удалось вернуться из ссылки и поселиться под Ревелем. При воцарении Елизаветы он стал возвышаться и богатеть. Умер он девятилетним трех лет в чине генерал-аншефа.

«В семейственной жизни, – пишет Пушкин, – прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка,¹⁶ родила ему белую дочь¹⁷». Есть известие, что жену свою он приковал к стене и жестоко истязал ее плетью. Не дождавшись развода, он женился на некоей Христине Шеберх,¹⁸ которая добросовестно нарожала ему немало черных ребят. Старший сын его Иван Абрамович¹⁹ был моряк, участвовал в Чесменском бою. В 1770 году он взял Наварин. В 1779 году выстроил Херсон.

Дед Пушкина, Осип Абрамович, служил во флоте и женился на Марии Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы. «И сей брак был несчастлив, – пишет Пушкин. – Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легко-

¹⁵ Ганнибал Надежда Осиповна (1775–1836) – мать Пушкина. Известны ее обращения к Александру I в 1825 г. и Николаю I в 1826 г. с просьбой о помиловании поэта.

¹⁶ Евдокия Андреевна Диопер, жена Абрама Ганнибала с 1731 г. (брак расторгнут в 1753 г.).

¹⁷ Сведения о дочери Поликсене не подтверждены официальными документами.

¹⁸ Шеберх Христина-Регина фон (1705–1781), дочь капитана Перновского полка. В браке с Абрамом Ганнибалом родились сыновья – Иван, Петр, Осип и еще 8 детей.

¹⁹ Ганнибал Иван Абрамович (1731–1801) – старший из сыновей Абрама Ганнибала от брака с Христиной-Региной фон Шеберх.

мыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене,²⁰ представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостью вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь». Эта девочка и была «прекрасная креолка», Надежда Осиповна Ганнибал, мать поэта.

Дед Пушкина умер в 1807 году в своей псковской деревне от следствий невозддержанной жизни.

²⁰ При жизни первой жены в 1779 г. О. Л. Ганнибал женился на Устинье Ермолаевне Толстой (урожд. Шишкина, брак с которой был признан незаконным в 1784 г. и расторгнут.

II

В 1801 году семейство Пушкиных после поездки в Псковскую губернию и в Петербург поселилось в Москве у Чистых прудов, на углу нынешнего Большого Харитоньевского переулка. Здесь родился весной второй сын, Николай.²¹ Сестра поэта²² родилась в 1797 году. Брат Левушка²³ – в 1805-м. Бабушка Ганнибал, Мария Алексеевна (ей было тогда шестьдесят лет), покинула свою петербургскую квартиру в Преображенском полку и тоже переселилась в Москву в приход Харитония в Огородниках, значит, рядом со своей дочерью и зятем. Одно время Пушкины проживали во флигеле князя Юсупова,²⁴ с которым, как видно, Сергей Львович был связан театральными интересами. У князя на Хомутовке был собственный театр, и Сергей Львович был незаменим в таких делах. В 1803 году Пушкины наняли квартиру опять в приходе Харитония, но уже в доме графа Санти. Бабушка Мария Алексеевна Ганнибал поддерживала кое-как домашний быт беспечных господ Пушкиных.

Если бы не эта Мария Алексеевна, да еще няня Арина Родионовна,²⁵ маленький Пушкин не научился бы говорить по-русски. Родители говорили с детьми по-французски, а французы гувернеры и гувернантки русским языком, конечно, не интересовались.

Изящный Сергей Львович и прелестная Надежда Осиповна с удивлением смотрели на маленького Пушкина. В кого он такой? Это был нескладный, толстый, задумчивый, неповоротливый ребенок. Рассеянность его была удивительна. Однажды на прогулке он отстал от родителей и в ленивой задумчивости уселся посреди дороги. В окна глядели на мальчика и смеялись. «Ну, нечего зубы скалить!» – сказал он, вставая. Он был небрежен и терял то и дело носовые платки. Надежда Осиповна прикалывала их к курточке и заставляла провинившегося выходить к гостям с таким постыдным украшением. Родители не любили маленького Пушкина. Он убегал к бабушке Марье Алексеевне и усаживался в корзину, где у нее хранилась шерсть для рукоделия. Старуха учила его грамоте. Она владела прекрасно русской речью, и слог ее писем был замечателен.

Ее сказки открыли Пушкину мир богатырей, колдунов, смешных и глупых царей, великодушных простецов... В лицее, когда ему было уже шестнадцать лет, он вспоминал «блаженный неги час»:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье.
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет

²¹ Пушкин Николай Сергеевич (1801–1807) – брат поэта.

²² Пушкина Ольга Сергеевна (1797–1868) – сестра поэта. В 1828 г. тайком от родителей вышла замуж за Н. И. Павлищева, человека мелочного, постоянно докучавшего Пушкину денежными проблемами, что способствовало охлаждению отношений между братом и сестрой, бывших до этого очень теплыми (ей посвящено одно из первых стихотворений, поэта «К сестре» (1814). Брак не был счастливым, все дети умерли в детстве, кроме Льва Николаевича Павлищева (1834–1915), – написавшего «Воспоминания об А. С. Пушкине. Из семейной хроники» (1880), достаточно искаженного и фальсифицированного текста, требующего тщательной проверки по каждому отдельному факту.

²³ Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852) – брат поэта, отличавшийся весьма легкомысленным характером. Поэтому в письмах к нему Пушкин часто прибегал к назидательному тону. Известны послания и стихи поэта, обращенные к брату.

²⁴ Юсупов Николай Борисович (1750–1831) – князь, московский вельможа, меценат.

²⁵ Арина Родионовна Яковлева (1758–1828, по мужу Матвеева) – няня Пушкина, крепостная М. А. Пушкиной. В 1799 г. получила «вольную», но осталась у Пушкиных и вынянчила всех детей. Имела своих четверых детей. Умерла в Петербурге у сестры поэта, к которой переселилась в связи с ее замужеством.

О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнись бывало,
Едва дыша, прижмись под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы...
.....
Я трепетал – и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

В 1806 году Марья Алексеевна купила под Москвой сельцо Захарово, и летом Пушкины уезжали туда. В деревенской обстановке характер маленького Пушкина заметно изменился. Мальчик стал подвижным, резвым и шаловливым. Такие крайности смущали родителей. Теперь ему было все любопытно: и песни, и хороводы, и рассказы захаровского повара, с которым он тайно подружился. Пушкин убегал в рощу, в поля, воображал себя богатырем и мечтал о приключениях. Он теперь смотрел на мир изумленными глазами. Обыденное удивляло его не менее, чем сказка. Тут в первый раз он узнал страшное – смерть и безумие. Правда, это страшное сочеталось как-то с неожиданной и непонятной улыбкой, но от этого оно становилось еще ужаснее. В усадьбе жила девушка, дальняя родственница Пушкиных. Она была помешана. Думали, что ее можно вылечить испугом. Для этого провели в ее комнату пожарную кишку. Сумасшедшая выбежала в ужасе и, увидев маленького Пушкина, закричала ему: «Братец! Меня принимают за пожар!» Но тот ее успокоил: нет, ее приняли за цветок. Цветок ведь тоже поливают...

Летом 1807 года, в Захарове, заболел братец Николенька. В играх они ссорились и дразнили друг друга, а когда Николенька слег в постель, брат пожалел его и подошел к его кровати с участием, но Николенька показал ему язык. Вскоре он умер. Николеньку отпевали и хоронили в соседнем селе Вязёмах. Не верилось, что этот мальчик так и будет лежать неподвижно и тихо.

Наступила осень. Надо было уезжать в Москву. Там были очередные неприятности – гувернеры и гувернантки. Но зато в Москве есть библиотека отца. Можно забраться туда и, завладев каким-нибудь французским томиком, предаться упоительному чтению. Родителям не приходило в голову мешать этому занятию. А тут как раз на полках стояли счастливые соперники Арины Родионовны и Марии Алексеевны. Те рассказывали такие таинственные истории про колдунов, что у мальчика замирала душа от страха, и он, кутаясь, с головою в одеяло, засыпал среди волшебных историй, а здесь, в этих веселых французских книжках, не было ничего таинственного и волшебного. Все было просто, ясно и занятно. О всяких тайнах эти книжки говорили с насмешкой, то добродушной, то ядовитой. Кроме того, в этих книжках можно было найти забавные вещи. Из разговоров в лакейской и девичьей Пушкин очень рано узнал то, что в гостиную называли любовью. Об этих соблазнительных вещах во французских книжках говорилось на все лады, смешно и увлекательно. Какой, например, веселый сочинитель Жак Вержье!²⁶ Он тоже рассказывает сказки, но совсем не так, как Арина Родионовна... Их можно

²⁶ Вержье Жак (1657–1720) – французский поэт, известный главным образом своими непристойными сказками, написан-

читать на ночь, не боясь привидений. Правда, читать этого забавника Вержье немного стыдно, но папа читал недавно вслух одну его историйку о глупенькой крестьянке, которую обманул жирный монах. Все смеялись и не стыдились. А то вот есть еще Жан Грекур.²⁷ Он к тому же сам был аббат, значит, духовное лицо – вроде отца диакона, Александра Ивановича Беликова,²⁸ который приходит к Пушкиным учить закону Божию. Это духовное лицо, Жан Грекур, сочинял такие непристойные историйки, что даже сам Сергей Львович не решался кое-что читать вслух при своей супруге Надежде Осиповне. Но очаровательнее всех, разумеется, Парни. Он был удивительно приятный поэт! Его гладкие, грациозные стишки славили какую-то девицу Элеонору в очень нежных и чувственных выражениях. Он сочинил также «Мадагаскарские песни». Но особенно понравилась Пушкину «Война богов». Эта книжка вышла в Париже в 1800 году и, вероятно, попала в библиотеку Сергея Львовича, а у Василия Львовича была наверное. В этой поэме изображалась борьба языческого Олимпа с христианским миром. Архангелы сражались с античными богами очень смешно. Автор издевался над католической церковью, над таинствами и вообще над святыней. Непристойностей эротических тоже было очень много. У Вольтера их было еще больше. Имя «фернейского крикуна»²⁹ не сходило с уст папаша Пушкина. «Девственница»³⁰ то и дело цитировалась. Вольтеровские насмешливые книги маленький Пушкин читал с жадностью. Он узнал его биографию и живо представлял себе его лицо. Этот образ запомнился навсегда. Даже года за полтора до смерти поэт начал было набрасывать какие-то строки, быть может, к нему относящиеся, о своем «младенчестве бессмысленно лукавом»:

Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зеркалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой...

Этот плешивый старик с насмешливой улыбкой был, конечно, неслучайно властителем дум. И хотя мысль его, по выражению Пушкина, была в самом деле «зыбая», однако это была мысль для своей эпохи новая. А главное, он был остроумен. Смеяться было над чем. И нечего было противопоставить вольтеровской шутке. В колдунов Арины Родионовны и в христианскую добродетель своих родителей десятилетний Пушкин уже не верил.

В эти ранние детские годы, когда Пушкин зачитывался Вольтером и когда для него открылся соблазнительный и веселый мир сказочек Лафонтена,³¹ все эти поэты казались ему счастливыми избранниками. Немудрено, что он с любопытством смотрел на живых стихотворцев и писателей, посещавших дом господ Пушкиных. Сергей Львович рассказывал впоследствии про сына: «В самом младенчестве он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин не то, что другие. Одним вечером Николай Михайлович был у меня, сидел долго; во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз». Вскоре Карамзин стал историком и едва ли навещал московскую гостиную Пушкиных. Зато поэт, подрастая, успел познакомиться здесь, в Москве, с французами-эмигрантами. Среди них был Ксавье де Местр,

ными в подражание Ж. Лафонтену.

²⁷ Грекур Жан (прав. Жозеф) (1683–1743) – аббат, поэт, автор сказок, большей частью фривольных.

²⁸ Беликов Александр Иванович (ум. ок. 1854) – учитель Пушкина. В 1808 г. издал в своем переводе «Дух Массильона, епископа Клермонского, или Мысли, избранные из его творений о различных предметах нравственности и благочестия».

²⁹ Фернейский крикун – строка из стих. «Городок» (1915). Так назван М.-Ф. Вольтер – по имени местности Ферней около Женева, где он прожил последние 20 лет жизни.

³⁰ «Девственница». – В поэме «Орлеанская девственница» (1735, изд. в 1755) Вольтер в пародийном духе воспроизвел события Столетней войны и историю Жанны д'Арк.

³¹ Лафонтен Луи Ипполит (1807–1864) – французский баснописец.

брат философа, повествователь и художник. Пушкин узнал также И. И. Дмитриева, которого, быть может, он видел и в его садике, где Иван Иванович любил копаться в грядках и где стояли солнечные часы, воспетые В. А. Жуковским, не раз также посещавшим дом Сергея Львовича. Но и Дмитриев в 1809 году удалился из Москвы, получив назначение на пост министра. Остался в Москве дядюшка Василий Львович. Этот всем тогда известный поэт, рыхлый толстяк на тоненьких ножках, несколько кривоносый, очень любивший декламировать свои стихи, несмотря на отсутствие многих зубов, был весьма забавен, но внушал, однако, невольное уважение чрезвычайной своей начитанностью. Его библиотека, которую он вывез из Парижа в 1804 году, была так изысканна и богата, что ей завидовал даже граф Бутурлин,³² у которого было богатейшее собрание книг в сорок тысяч томов. Обе эти великолепные библиотеки сгорели в 1812 году, когда французы владели Москвой, но Пушкина не было тогда в Москве; он в это время был питомцем Царскосельского лицея.

Поэт довольно наслышался еще в Москве литературных разговоров. Он уже знал, что Карамзин, Дмитриев, Жуковский, Батюшков, дядюшка Василий Львович и совсем еще юный П. А. Вяземский ведут борьбу с литературными староверами, с Шишковым,³³ Хвостовым³⁴ и прочими ревнителями ветхих литературных традиций. Он, конечно, знал басни и стихи Дмитриева, «Бедную Лизу» Карамзина, переводы Жуковского... К тому сроку, когда пришлось поэту покинуть семью, начитанность его была изумительна. Он прочел уже «Илиаду» и «Одиссею» в переводе Битобе.³⁵ Огромный и могучий мир эллинского эпоса поразил его воображение. Он прочел классиков XVII века. Строгий Корнель внушил ему почтительное удивление. Мольер увлек его своим комедийным вымыслом. Захотелось самому сочинять что-нибудь острое, как Мольер. И он стал сочинять. Маленький драматург стал директором театра. Он же был и актером. Сестра Оля была зрителем. Поэт, подражая отцу, декламировал свои французские пьески. Одну из них, под названием «Похититель», Оля освистала. Но автор утешился, сочинив на самого себя эпиграмму, тоже, разумеется, по-французски: «Скажи, за что партер освистал «Похитителя»?

Увы! За то, что бедный автор похитил его у Мольера». Начитавшись «Генриады»,³⁶ он стал сочинять в ее стиле пародийную поэму, где изображалась война карликов и карлиц во времена короля Дагобера.³⁷ Героя звали Толи. Поэма называлась по его имени «Толиадой». Гувернантка похитила рукопись и принесла ее гувернеру. Француз стал смеяться, прочитав начало. В крайнем гневе поэт бросил в печь свою поэму.

Когда Пушкину исполнилось одиннадцать лет, все уже знали, что он пишет стихи. Однажды в старинном парке с прудами и каналами в голландском стиле при доме Бутурлиных, дальних родственников Сергея Львовича, барышни окружили юного поэта с альбомами, прося его стихов. А когда какой-то гость продекламировал его катрен,³⁸ исказив размер, Пушкин в отчаянии убежал в библиотеку, где рассеянно разглядывал корешки сафьяновых переплетов, а потом ушел домой в смущении и досаде. Кажется, гувернер Бутурлиных, некий Реми Жилле (впоследствии директор Ришельевского лицея в Одессе), первый догадался, что этот самолюбивый курчавый губастый мальчик поэт и что его судьба будет необычайна.

³² Бутурлин Дмитрий Петрович (1763–1829) – граф, директор Эрмитажа, библиофил.

³³ Шишков Александр Семенович (1754–1841) – поэт, литературный критик, основатель и вдохновитель «Беседы любителей русского слова». Адмирал. Президент Российской академии, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства.

³⁴ Хвостов Дмитрий Иванович (1756–1835) – граф, поэт, с 1807 г. сенатор.

³⁵ Битобе (Bitaube) Поль-Жереми (1732–1808) – французский литератор, поэт, переводчик. Его перевод «Илиады» и «Одиссеи» на фр. яз. в 12 томах вышел в 1786 г.

³⁶ «Генриада» – эпическая поэма Вольтера (1728).

³⁷ Дагобер (прав. Дагоберт) – французский король VII в.

³⁸ Катрен – четверостишие, строфа из четырех строк.

Кто были учителями Пушкина? О них мы почти ничего не знаем. Эмигрант граф Монфор, потом какой-то Руссло, писавший плохие стихи и не одобрявший поэтических опытов Пушкина, какой-то Шедель, англичанка мисс Белли и гувернантка Анна Ивановна, впоследствии давшая повод поэту в черновой программе его воспоминаний сделать помету: «первые неприятности – гувернантки...»

Диакон Александр Иванович Беликов, окончивший Славяно-греко-латинскую академию, учил его русской грамматике и правилам «православного» вероисповедания. Если в лицее Пушкин и преувеличил несколько свое неведение закона Божия, уверяя в стихах, что он никогда не мог выучить наизусть «Отче наш» и «Богородицу», то все же, вероятно, это признание не так уж было далеко от истины. Диакон Беликов был, по-видимому, одною из тех «духовных особ», которые были по вкусу тогдашним российским дворянам: он умел быть светским, мило спорил с вольнодумцами французами и издал книжку «Дух Массильёна». Эта книжка отвечала настроениям тех семейств, которые находили приличным отдавать своих детей в католический пансион, где внушались воспитанникам соответствующие идеи. Католические патеры казались более изящными, чем русские попы.

На семейном совете решено было отдать Пушкина в петербургский закрытый пансион отцов иезуитов, где воспитывались дети русских аристократов. Но планы эти неожиданно изменились. Стало известно, что под Петербургом, в Царском Селе, открывается привилегированное учебное заведение на каких-то совсем новых началах и что в это заведение попасть великая честь. Сергей Львович и Надежда Осиповна очень заинтересовались этой «лицеей», как еще тогда называли новое учебное заведение.

По-видимому, первоначальный проект лицея был составлен директором департамента министерства народного просвещения И. И. Мартыновым не без руководства и указаний М. М. Сперанского.³⁹ В основу этого проекта была положена идея чуть ли не Лагарпа.⁴⁰ Этот проект отвечал либеральным мечтаниям Александра I, но ко времени его осуществления эти мечтания, как известно, увяли, не расцветши. К тому же Сперанский утратил свое значение и вскоре оказался в опале. Проект попал на утверждение графа А. К. Разумовского⁴¹ и претерпел серьезные изменения. В это время шла борьба между иезуитами и вольнодумцами. В своем доносе 1826 года «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного» Булгарин⁴² указывает на мартинистов⁴³ как на источник той педагогической системы, которая положена в основу лицея. Либералы александровской эпохи почти все были масонами. Наиболее способный из директоров лицея, Е. А. Энгельгардт, член Великой ложи «Астрея», поддерживал эти традиции. После расправы с декабристами (он был тогда в отставке) ему пришлось выступить с полемикой, когда изгнанные из Петербурга иезуиты в заграничной прессе указывали на лицей как на рассадник масонского вольнодумства.

Господам Пушкиным надо было решить, куда отдавать сына – в иезуитский пансион, где, между прочим, начал свое учение П. А. Вяземский, или в этот новый лицей. По-видимому, у легкомысленных родителей поэта не было никаких серьезных мотивов для предпочтения того или другого учебного заведения. Дело было решено благодаря личным отношениям и связям.

³⁹ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – российский государственный деятель, граф. С 1808 г. советник Александра I, автор плана либеральных преобразований.

⁴⁰ Лагарп Жан Франсуа де (1739–1803) – французский драматург и теоретик литературы. Его главное литературно-критическое произведение «Лицей, или Курс древней и новой литературы» в 16 томах. Пушкин долгое время пользовался им как справочным пособием.

⁴¹ Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822) – граф, министр народного просвещения.

⁴² Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – журналист, романист, редактор «Северного архива», «Литературных листов», создатель «Северной пчелы», «Сына отечества».

⁴³ Мартинисты – последователи французского теософа Сен-Мартена (1743–1803). В его учении политическим идеалом провозглашалась теократическая монархия. Оно пользовалось успехом у русских масонов конца XVIII века и мистиков-идеалистов первой трети XIX века.

С директором будущего лицея В. Ф. Малиновским и особенно с его братом, Алексеем Федоровичем, начальником московского архива иностранных дел, Пушкин был знаком. Усердно хлопотал об этом деле А. И. Тургенев,⁴⁴ который за год до того был назначен директором департамента духовных дел. Он был, как известно, ревностный «гонитель иезуитов» и даже позднее, к 1815 году, редактировал указ об их официальном изгнании. Так решена была судьба поэта, и он, по счастью, ускользнул от патеров, имевших немалое влияние на своих питомцев.

1 марта Сергей Львович послал прошение о принятии его сына Александра в Царско-сельский лицей. Поэт Иван Иванович Дмитриев, он же министр юстиции, зачем-то удостоверил письменно, что «недоросль Александр Пушкин есть действительно законный сын служащего в Комиссариатском штате 7-го класса Сергея Львовича Пушкина». По прошению Сергея Львовича Герольдия выдала справку о том, что будущий лицеист «происходит от древнего дворянского рода Пушкиных, коего герб внесен в общий дворянских родов гербовник и высочайше утвержден».

В июне Василий Львович поехал с племянником в Петербург.

Здесь, в Петербурге, началась для Пушкина новая жизнь. В черновых набросках автобиографической программы поэт записал, между прочим, под 1811 годом: «Дядя Василий Львович. – Дмитриев, Дашков,⁴⁵ Блудов⁴⁶...» И потом еще: «светская жизнь». Двенадцатилетний Пушкин в обществе благодушного и легкомысленного дядюшки почувствовал себя на свободе. А Василий Львович в это время как раз был в упоении своею славою. Он только что написал «Опасного соседа». Полемика его литературных друзей с Шишковым и его сторонниками была в разгаре. Недавно была напечатана брошюра Д. В. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики», где высмеивались литературные старожилы. Пушкин, конечно, познакомился у дядюшки с этим ленивым ипохондриком, который оживлялся только в те часы, когда представлялся случай дразнить и уничтожать литературных неприятелей. Очевидно, Пушкин запомнил этого смуглого, красивого и несколько надменного остроумца, будущего деятельного члена «Арзамаса». Очень запомнил он тогда и Д. Н. Блудова, человека с широким образованием и тонким литературным вкусом. «Твой вкус был мне учитель», – писал про него Жуковский. Блудов, скомпрометированный в 1826 году своим участием в следственной комиссии по делу декабристов, тогда еще был вольнодумцем, и отроческий ум поэта был пленен этим российским маркизом, блиставшим остроумиями и «ослепительным фейерверком» идей, как выразился Батюшков.

Василий Львович в это время печатал отдельной брошюрой свои «Два послания» (Жуковскому и Дашкову), где он вел полемику с шишковистами. Автора «Опасного соседа» обвинили чуть ли не в безбожии, и бедный Василий Львович простодушно оправдывается:

Неужель оттого моя постраждет вера,
Что я подчас прочту две сцены из Вольтера?

⁴⁴ Тургенев Александр Иванович (1784–1845) – директор Департамента духовных дел и член комиссии для устройства евреев (1810–1824), поэтому в стих. Пушкина «Тургеневу» (1817) назван «покровителем попов, евреев и скопцов» и «гонитель иезуитов» (как автор указа 1815 г. об изгнании их из России). Камергер, брат декабриста Н. И. Тургенева.

⁴⁵ Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) – один из основателей и активнейших членов литературного общества «Арзамас». С 1826 г. – товарищ министра внутренних дел, с 1832 г. – министр юстиции.

⁴⁶ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – служил в Министерстве иностранных дел, был министром внутренних дел, министром юстиции, президентом Академии наук и председателем Комитета Министров. Пушкин иронизировал над его литературным вкусом и самолюбием, называя «маркизом Блудовым».

В эти три-четыре месяца петербургской «светской жизни» Пушкин, несомненно, при живости его ума вошел в круг интересов тогдашней передовой литературы. Он уже явился в лицей сторонником определенного литературного направления.

12 августа дядюшка повез Пушкина в дом графа А. К. Разумовского, министра народного просвещения. «У меня разбежались глаза, – рассказывает об этом посещении дома Разумовского И. И. Пущин, друг и ровесник Пушкина. – Кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся – глядел на всех и никого не видал. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. – Я слышу: Александр Пушкин – выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляду...» «При этом передвижении мы все несколько приободрились; начали ходить в ожидании представления министру и начала экзамена. Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником...» «Скоро начали вызывать нас поодиночке в другую комнату, где в присутствии министра начался экзамен, после которого все постепенно разъезжались. Все кончилось довольно поздно».

Пущин узнал, что его новый товарищ принят в лицей так же, как и он, когда они встретились в квартире директора В. Ф. Малиновского, куда они должны были явиться для примерки казенных мундиров, треуголок и всего прочего. Пущин жил у своего восьмидесятилетнего дедушки адмирала, на Мойке, а по соседству на той же Мойке проживали и Пушкины, дядюшка и племянник.

Пущин и Пушкин подружились с первых же дней. Они вместе гуляли в Летнем саду, и Пущин очень удивлялся, что его новый приятель успел прочесть так много книг, все помнит и обо всем судит, как взрослый, а между тем несколько этим не гордится. «Все научное, – рассказывает Пущин, он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и проч...». «Случалось, точно, удивляться переходам в нем; видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее не способный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острову, куда возил нас иногда на ялике⁴⁷ гулять Василий Львович...»

Итак, Пушкин покинул семейный кров и, кажется, не сожалел об этом. В мае 1811 года ему исполнилось двенадцать лет. Большинство товарищей по лицу были его сверстники. Только Малиновскому,⁴⁸ сыну директора, было шестнадцать лет, да еще Маслову⁴⁹ пятнадцать. Троим было по десяти – Корфу,⁵⁰ Корнилову⁵¹ и Мартынову.⁵² Прочим двадцати пяти мальчикам было по двенадцать или тринадцать лет. По своему развитию Пушкин далеко опередил своих новых товарищей. Все это чувствовали. Он явился в лицей с какими-то своими вкусами, мнениями и взглядами. Он как-то по-своему видел и чувствовал все вокруг себя. Его мысли сочетались с каким-то уже не детским опытом. Разгадать его тогдашнее душевное устройство не так легко. Разговоры с бабушкой, сказки Арины Родионовны, песни, которых он слышался немало в Захарове, Гомер, Корнель, Мольер, Вольтер – все это не исчерпывало душевного

⁴⁷ Ялик – двухвесельная или четырехвесельная шлюпка.

⁴⁸ Малиновский Иван Васильевич (1796–1873) – лицейский товарищ Пушкина, прапорщик, позднее капитан лейб-гвардии Финляндского полка.

⁴⁹ Маслов Дмитрий Николаевич (1796–1856) – лицейский товарищ Пушкина. Впоследствии действительный тайный советник.

⁵⁰ Корф Модест Андреевич (1800–1876) – барон, лицеист первого выпуска, впоследствии государственный секретарь, член Государственного совета, директор Публичной библиотеки.

⁵¹ Корнилов Александр Александрович (1801–1856) – лицейский товарищ Пушкина, впоследствии полковник.

⁵² Мартынов Аркадий Иванович (1801–1850) – сын И. И. Мартынова, лицейский товарищ Пушкина, впоследствии статский советник.

опыта поэта. Было еще нечто. Что же это? История. Иные дети живут, не замечая ее. То же бывает и со взрослыми. Пушкин был не таков. Уже в ребяческие годы поэт чувствовал, что он живет в определенный исторический час: он понимал связь настоящего с прошлым и будущим. Он жил не в быту, а в событиях. Он прислушивался к разговорам взрослых об убийстве императора Павла. Сам он не помнил это событие, потому что ему было тогда всего лишь три года. Его сознательная жизнь началась при Александре. Он с изумлением и страхом узнал из тех же вольных разговоров в кабинете Сергея Львовича, что царствующий император знал о заговоре и убийство отца лежит на его совести. Царский трон казался ему запятнанным кровью. Страшные рассказы Арины Родионовны о призраках и мертвецах были не страшнее исторических событий. Окружающая мальчика среда также возбуждала его любопытство и недоумение. Из разговоров дворовых он узнал о том, что такое крепостное право. Людей продавали оптом и в розницу. Дворовых наказывали розгами на конюшне. Это были бытовые явления, ему известные. А между тем Жан Жак Руссо утверждал, что человек сам по себе прекрасен и невинен. Значит, все эти несправедливости и жестокости – плод каких-то фатальных ошибок. Во Франции, должно быть, лучше, чем у нас. В 1789 году в Париже, когда Николай Михайлович Карамзин путешествовал по Европе, случилась революция. Там уже нет крепостного права. Короля там тоже нет.⁵³ Ему отрубили голову в 1793 году, открыто, на площади, в назидание всем гражданам. Потом французы много воевали. Якобинский генерал Бонапарт⁵⁴ распоряжался всем очень энергично. В 1803 году дядюшка Василий Львович путешествовал по Европе так же, как Карамзин, и представлялся этому энергичному генералу. Он тогда назывался уже первым консулом. Скоро он стал называться императором Наполеоном. Пушкину тогда исполнилось пять лет. С тех пор это имя звучало непрестанно. Казалось, что весь мир, как замороженный, покорствуется этому чудесному имени. По мере того как все ярче и ярче горела звезда этого удивительного корсиканца, личность императора Александра заметно бледнела. Первые годы царствования, когда все надеялись на какую-то либеральную программу, полуобещанную правительством, были забыты. Все думали о войне. В 1805 году русские, предательски покинутые союзниками-австрийцами, были разбиты под Аустерлицем. В 1807 году Наполеон разбил русских под Фридландом, когда Александр был в союзе с пруссаками. Мир, заключенный в Тильзите, в глазах русских патриотов был постыдным миром.

Пушкин развивался и читал жадно книги в те годы, когда войны уже не было, когда Александр подчинился французской политике, когда внутренние реформы, очень робкие, но дворянам казавшиеся радикальными, проводил М. М. Сперанский, поклонник Наполеона. Реформы, однако, затормозились. Старый знакомый господ Пушкиных, Н. М. Карамзин подал царю записку «О древней и новой России». Александр сделал вид, что он недоволен критикой реформ Сперанского, высказанную так решительно историографом. Но Карамзин был не одинок, а тут еще пришлось убедиться, что Сперанский слишком уверен в своих силах и не очень уважает императора. Царскосельский лицей открылся 19 октября 1811 года. К этому сроку участь Сперанского, поклонника французской демократии, была решена. Готовилась новая война с Наполеоном.

Мы теперь знаем, как впоследствии все это многообразие событий отразилось в поэзии Пушкина. Ничто не прошло бесследно. Но стихов 11–12 года у нас нет. Они уничтожены поэтом, а между тем, по собственному признанию Пушкина, муза любила его в младенчестве. О чем он тогда пел? По-видимому, он уже тогда слагал не только мирные песенки фригийских пастухов во вкусе знакомых ему французских поэтов, но «и гимны важные, внушенные богами». Эти признания относятся уже к 1821 году:

⁵³ Короля там тоже нет. Имеется в виду Людовик XVI (1754–1793) – французский король (1774–1792) из династии Бурбонов. Был свергнут, осужден Конвентом и казнен.

⁵⁴ ...генерал Бонапарт... – Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император. Отношение Пушкина к нему трансформировалось от неприятия как тирана к восприятию его как монументальной исторической фигуры.

С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградой случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Глава вторая Лицей

I

Когда возник впервые проект «особенного лицея», император Александр предполагал поместить в новое учебное заведение своих младших братьев – Николая⁵⁵ и Михаила.⁵⁶ Этот демократический план не осуществился, потому что вдовствующая императрица Мария Федоровна⁵⁷ не захотела допустить такой близости своих сыновей с обыкновенными смертными.

Император Александр не настаивал на своем желании, а к октябрю 1811 года он уже и сам стал равнодушен к демократическим мечтаниям и всецело был занят подготовкою к войне с Наполеоном, но от первоначального замысла кое-что осталось. Самый выбор помещения во дворце, в бывших апартаментах великих княжон, объясняется намерением Александра воспитывать братьев в среде некоронованных товарищей.

Значит, была такая возможность, что будущий вершитель судьбы Пушкина, его лицемерный покровитель и косвенный виновник его смерти Николай Павлович Романов мог сидеть за одной с ним партой, слушая лекции либерального Куницына.⁵⁸ Но этого не случилось, и Николай Павлович мог назвать Пушкина «mon camarade manque»,⁵⁹ как он называл другого лицеиста – барона Корфа.

Итак, поэту не пришлось свои лицейские годы проводить в обществе будущего императора. И самым близким его товарищем по лицей был непримиримый враг Романовых – будущий декабрист И. И. Пущин. Поэт полюбил лицей и его сады. И немудрено – царскосельские парки в самом деле дивны. Екатерининский дворец, построенный Растрелли, не мог не очаровывать поэта. Здесь, в парке, посреди пруда, видел он воздвигнутую Екатериной колонну в память Чесменской битвы, в которой участвовал Иван Абрамович Ганнибал; здесь бродил он среди мраморных статуй, напоминавших ему статуи московского юсуповского сада; здесь «весной, при кликах лебединых, близ вод, сиявших в тишине» являлась поэту муза, которая, по его признанию:

Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны...

19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие лицея. Приехали царь, обе царицы⁶⁰ и великие князья. Все было очень пышно. Приглашены были министры и прочие сановники. После обедни и молебна в дворцовой церкви началось торжество. Стоял, конечно, стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На нем лежала особая государева гра-

⁵⁵ Николай – будущий император Николай I (1796–1855), вступил на престол в 1825 г.

⁵⁶ Михаил – сын Павла I, великий князь Михаил Павлович (1798–1849).

⁵⁷ Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза, 1759–1828) – принцесса Вюртембергская, жена (с 1776 г.) российского императора Павла I.

⁵⁸ Куницын Александр Петрович (1783–1840) – адъюнкт-профессор (1811–1816). В 1838 г. стал председателем Комитета для надзора за печатанием собрания законов.

⁵⁹ Тот, кто мог бы быть моим товарищем.

⁶⁰ Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна (Луиза-Мария-Августа, 1779–1826) – императрица с 1801 г., жена Александра I.

мота, дарованная лицею. Ее прочел тонким, дребезжащим голосом И. И. Мартынов, один из составителей лицейского устава, замечательного, между прочим, тем, что в нем были впервые запрещены телесные наказания. В других учебных заведениях секли мальчиков и до и после основания царскосельского педагогического Эльдорадо. После Мартынова выступил директор лицея В. Ф. Малиновский. Этот статский советник был так перепуган торжественной обстановкою, что едва смог прочесть слабым голосом, путаясь, приготовленную речь, не им сочиненную. Зато с большим пафосом прочел свою речь «профессор политических наук», окончивший свое образование в Европе, А. П. Куницын, к которому обращены были Пушкиным в 1825 году лестные слова:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.

Речь Куницына была в напыщенном старомодном стиле, но всем показалась очень либеральной. Адьюнкт-профессор говорил о «существовании гражданских обязанностей», о «благое целое общества», о «причинах благоденствия и упадка государств». Само собою разумеется, что было сказано нечто о гражданской добродетели, и это словечко прозвучало как намек на французскую идею 1789 года. Но самое замечательное было то, что в речи вовсе не был упомянут царствующий император. Александр одобрил вольнодумца и наградил его на другой же день орденом св. Владимира четвертой степени, рассчитывая, очевидно, на смягчение таким способом его якобинского духа.

Потом был обед – у царей и сановников. Лицейстов также повели в столовую, несколько позднее, и цари пришли смотреть, как утоляют свой голод питомцы лицея. Императрица Мария Федоровна подошла к десятилетнему Корнилову и, опираясь на его плечи, чтобы не вставал, спросила его с немецким акцентом: «Карош суп?» – на что растерявшийся мальчуган ответил почему-то по-французски: «Уи, мосье!», как будто коронованные особы женского пола утрачивают женственность.

Все эти смешные подробности не ускользнули от внимания Пушкина. Он, наверное, заметил, как и его новый приятель Пущин, что цари были воспитаны не очень хорошо. Наследник Константин⁶¹ у окна щекотал и щипал сестру свою Анну Павловну;⁶² потом подвел ее к Гурьеву,⁶³ своему крестнику, и, стиснувши ему двумя пальцами обе щеки, а третьим вздернув нос, сказал ей: «Рекомендую тебе эту моську...» Этот Гурьев был единственный из тридцати первых лицейстов, не успевший кончить курса: его исключили из лицея в 1813 году за склонность к мужеложеству, что, конечно, не помешало ему впоследствии надеть кавалергардский мундир.

Вечером был десерт. Горели плошки вокруг лицея, и на балконе – щит с вензелем Александра Романова. Для лицея был отведен просторный четырехэтажный дворцовый флигель. В верхнем этаже были дортуары, устроенные так, что для каждого воспитанника была отдельная комната. На дверях одной из них было написано на особой дощечке: № 14. Александр Пушкин. На соседней двери: № 13. Иван Пущин. Перегородка была тонкая, и, когда мальчики ложились спать, можно было переговариваться. Началась лицейская жизнь. Через несколько дней лицейсты узнали, что их не будут отпускать домой вовсе и что в этом заточении предстоит

⁶¹ Константин Павлович (1779–1831) – великий князь. После смерти Александра как старший из детей Павла I должен был унаследовать престол, но отказался в пользу своего брата Николая.

⁶² Анна Павловна (1795–1865) – великая княжна, сестра Александра I и Николая I, жена принца Оранского.

⁶³ Гурьев Константин Васильевич (1800 – не ранее 1833) – лицейст первого курса, исключенный из лицея. В 1833 г. – 2-й секретарь русского посольства в Константинополе.

им быть шесть лет. Это была для многих мрачная и неожиданная новость. Но Пушкину было все равно. Впрочем, строгость этого режима, придуманная министром Разумовским, впоследствии смягчилась, и лицейское заточение вовсе не было монастырским, хотя Пушкин в своих ранних стихах называл свою комнату кельей, а себя монахом.

Какая же учебная программа была в лицее? В ней было немало странностей. Ее составители как будто не знали, что на партах будут сидеть десятилетние ребята и шестнадцатилетние молодые люди. Возраст, развитие, запас знаний все было неодинаково в этой толпе дворянских ребят и недорослей. Первоначально программа была рассчитана на курс, равный университетскому. При этом она была энциклопедична. Чего только не было в этой программе и греческий язык, и химия, и астрономия! Многообразие дисциплин испугало министра Разумовского. К тому же Жозеф де Местр, мечтавший о насаждении католицизма в России, писал ему письмо за письмом, убеждая в зловредности вольнодумной программы. Это вмешательство знаменитого философа-реакционера в дела русского министерства народного просвещения было чрезвычайно характерно для эпохи идейных колебаний александровского правительства. Под влиянием Жозефа де Местра программа была сокращена. И тем не менее она была весьма разнообразна. Весь курс разделялся на трехлетний начальный и трехлетний окончательный. В первое трехлетие изучались русский, латинский, французский и немецкий языки, основы закона Божия, нравственной философии и логики, арифметики, алгебры, тригонометрии, физики, история российская и иностранная, география, хронология, риторика и, наконец, изящные искусства, соединенные в один отдел с «гимнастическими упражнениями». В программе окончательного курса, кроме перечисленных предметов, имелись еще право естественное, публичное, гражданское, история церкви, иффика, или «наука нравов», политическая экономия, геометрия, статика, гидравлика, артиллерия, фортификация, археология, статистика, история философии, нумизматика, эстетика, история изящных искусств... Сочетание столь различных дисциплин не могло, конечно, привести к солидности и систематичности знаний. И вся эта громоздкая программа заранее была обречена на неудачу.

Кому же поручили проводить в жизнь эту эклектическую учебную программу? Кто были учителями Пушкина?

Директором назначили Василия Федоровича Малиновского. Его рекомендовал Сперанский. Малиновскому было тогда сорок шесть лет. Он был сын протоиерея, служившего при Московском университете, и женат был на дочери тоже протоиерея, небезызвестного вольнодумца Самборского,⁶⁴ бритого человека, со светскими манерами, занимавшего должность посольского священника в Лондоне. Малиновский, кончив Московский университет, служил в Коллегии иностранных дел и одно время жил в Англии в качестве чиновника русского посольства, а перед назначением на пост директора лицея был директором дома трудолюбия при так называемом филантропическом комитете. Любопытно, что этот Малиновский был автором книги «Рассуждение о мире и войне». Эта книга представляла проект вечного мира. Малиновский предлагал учредить некий международный трибунал наций, где должны были решаться все спорные вопросы международной политики. Впоследствии, будучи на Юге, Пушкин интересовался идеей вечного мира, которую защищал в XVIII веке аббат Сен-Пьер.⁶⁵ Возможно, что поэт знал также и труд первого лицейского директора и вспоминал о нем, когда вел беседы на эту тему в Кишиневе в доме М. Ф. Орлова.⁶⁶

⁶⁴ Самборский Андрей Афанасьевич (1732–1815) – протоиерей, законоучитель великих князей Александра и Константина Павловичей.

⁶⁵ Сен-Пьер (1658–1743) – аббат, автор многочисленных политических проектов, член Французской Академии, автор книги «Проект вечного мира».

⁶⁶ Орлов Михаил Федорович (1788–1842) – общественно-политический деятель, генерал-майор.

Малиновский воспитался на идеях Новикова⁶⁷ и мартинистов. Он подавал правительству записку с проектом освобождения крестьян. Он был типичным представителем гуманизма, соединенного с пиетизмом. Изучив еврейский язык, Малиновский перевел, между прочим, несколько книг Библии. Как педагог, он отличался мягкостью и кротостью, и его сын, по-видимому, совсем не был похож на отца, если верить Пушкину, который называл его в стихах «повесой из повес». Этот «на шалости рожденный, удалый хват, головорез» получил в лицее за свое удалство прозвище Казак. Он был связан с Пушкиным прочною дружбою.

Ближайшим помощником Малиновского был Николай Федорович Кошанский.⁶⁸ В 1811 году ему было всего лишь тридцать лет, но за ним числились уже немалые академические заслуги. Он кончил философский факультет Московского университета, получив золотую медаль и позднее ученую степень доктора. У него был целый ряд филологических работ, переводов и учебников. Он знал несколько языков, хотя говорил по-французски худо, забавляя лицеистов своим дурным выговором. Он преподавал латинский язык и русскую словесность. Его «Регорика» для своего времени была не так плоха, и не его вина, что материал, которым он пользовался, уже казался старым, ветхим и бледным, потому что явились Батюшков, Жуковский и Пушкин.

Кошанский, так же как Малиновский, воспитался на идеях мартинистов и был бы вполне добродетельным масоном, если бы не одна слабость – он был алкоголик: в 1814 году он даже заболел «белой горячкой» и прохворал более года. Пушкин в 1815 году написал Кошанскому послание «Моему Аристарху»,⁶⁹ где добродушно трунил над педантизмом ученого старовера. На время болезни Кошанского назначен был в лицей для преподавания словесности и латинского языка юноша двадцати одного года Александр Иванович Галич.⁷⁰ Этот семинарист, сын дьячка, как способный ученик, попал в Петербургский педагогический институт, и в 1808 году его отправили за границу к профессору-кантианцу Шульце.⁷¹ В Геттингене Галич увлекся Шеллингом. Вернувшись в 1813 году в Петербург, он получил назначение в Педагогический институт в качестве адъюнкт-профессора. В Царскосельском лицее Галич отнесся к своим обязанностям довольно свободно. Его преподавание сводилось к вольнодумным беседам и к чтению книг, не имевших никакого отношения к учебной программе. Изредка он вспоминал о Корнелии Непоте⁷² и говорил добродушно: «Ну, потреплем старика!..» С лицеистами он держал себя как товарищ, и Пушкин посвятил ему два послания, любезные и дружеские. По-видимому, Галич оценил талант Пушкина, но поэт, кажется, остался равнодушным к шеллингианству своего молодого учителя. По крайней мере, в обоих посланиях ни звука о Шеллинге, да и вообще о философии, и Галич в них изображен как милый собутыльник поэтов. Все эти вакхические строки очень мало отвечали действительности, и, вероятно, воспетые Пушкиным пиры сводились к скромному пирогу и бутылкам пива, которыми угощались лицеисты и добродушный Галич в небольшой комнатке, отведенной начальством молодому профессору. Любопытно то, что прочие преподаватели почти все были слушателями Геттингенского университета: А. П. Куницын, математик Карцов, историк Кайданов... Все они были ревнителями традиций Новикова. Образованных преподавателей в тогдашней России можно было пересчитать по пальцам,

⁶⁷ Новиков Николай Иванович (1744–1818) – журналист и общественный деятель, один из вождей либерального фланга русского масонства, издатель сатирико-публицистических журналов и редактор многих периодических изданий.

⁶⁸ Кошанский Николай Федорович (1781–1831) – профессор российской и латинской словесности в Лицее (1811–1828). Под его влиянием Пушкин стал читать Оссиана в русском переводе.

⁶⁹ Аристарх Самофракийский (II в. до н. э.) – филолог, грамматик.

⁷⁰ Галич Александр Иванович (1783–1848) – профессор российской и латинской словесности. После ухода из Лицея стал в 1819 г. профессором Петербургского университета, но вскоре, обвиненный в атеизме, вынужден был покинуть кафедру.

⁷¹ Шульце Готлиб Эрнст (1761–1833) – профессор философии в Геттингене.

⁷² Непот Корнелий (индивидуальное имя не сохранилось, ок. 100 – после 32 до н. э.) – римский писатель, друг Катулла и Цицерона.

выбора не было, а в лицее хотели воспитать новое поколение дворян, годных для ответственной государственной службы. По первоначальному замыслу, в лицее должны были учиться дети титулованных богачей, но на деле большинство лицеистов было из семейств небогатых и вовсе не знатных. Все тридцать лицеистов вскоре разбились на кружки, объединенные общими вкусами и настроениями, причем сказалось, разумеется, и социальное происхождение юношей.

Немецкий язык и немецкую словесность преподавал профессор Гауеншильд,⁷³ уроженец Трансильвании. Как это ни странно, но преподавание немецкой литературы шло на французском языке, так как из лицеистов почти никто не знал немецкого языка, а Гауеншильд не очень хорошо владел русским. Этот австрийский выходец был рекомендован Сперанскому как уважаемый масон, и Сперанский предполагал при его помощи устроить специальную ложу, куда хотел привлечь русских архиереев и попов, склонных к реформации. Этот странный проект относится к 1810 году. Но Сперанский не успел его осуществить, и «первому мастеру» Гауеншильду пришлось воспитывать не русских попов, а дворянских недорослей.

У этого Гауеншильда была неприятная привычка всегда жевать лакрицу,⁷⁴ что дало повод лицеистам сложить насмешливый и непочтительный куплет, ему посвященный.

Такой подбор преподавателей отвечал планам Сперанского, но любопытно, что тогдашний министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский в 1810 году уже разочаровался в масонстве и, будучи поклонником иезуитов, почитал Жозефа де Местра высоким философом. Непонятно, каким образом Разумовский, не любивший Сперанского, примирился с таким составом преподавателей. Впрочем, граф Разумовский, человек образованный и широкий, в это время больше был занят своими фаворитками, чем министерством. В эти годы он был слишком ленив, чтобы вообще чем-нибудь заниматься.

Едва ли не самым своеобразным преподавателем в лицее был профессор французской литературы де Будри. Его звали на русский лад Давидом Ивановичем. Настоящая его фамилия была Марат. Он был родной брат знаменитого якобинца. Давид Иванович очень гордился таким своим родством. Однажды он сказал в классе: «Это Робеспьер втайне настроил Шарлотту Корде и сделал из этой девки второго Равальяка». Впрочем, по словам Пушкина, «Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный». В самом деле, кроме чинов и орденов этот Марат то и дело получал от коронованных особ табакерки и бриллиантовые перстни. Выписал его в Россию из Швейцарии для воспитания своих детей камергер В. П. Салтыков. Удивляться этому не приходится: у графа Строганова⁷⁵ воспитателем был известный Ромм,⁷⁶ впоследствии член Конвента, гильотинированный во время термидора.

Итак, состав лицейских преподавателей был не по вкусу Жозефу де Местру: все они были врагами иезуитов. Впоследствии Куницына и Галича обвиняли даже в атеизме. И у самого Пушкина в его черновой автобиографической программе есть эти два словечка – «иезуиты» и «мартинизм». Очевидно, он давал себе отчет о характере той педагогической среды, где ему пришлось провести шесть лет.

В той же черновой программе у Пушкина есть еще помета, как раз после словечка «мартинизм»: «Мы прогоняем Пилецкого». Кто же этот Пилецкий?

⁷³ Гауеншильд Федор Матвеевич (Фридрих-Леопольд-Август, 1780–1830) – профессор немецкого языка и словесности в Лицее, преподававший на французском языке. В 1814–1816 гг. исполнял обязанности директора Лицея.

⁷⁴ Лакрица – солодковый корень. Используется в лекарствах и напитках (портер), обладает специфическим вкусом.

⁷⁵ Строганов Павел Александрович (1774–1817) – граф, единственный сын графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811), вельможи, известного собирателя произведений искусства.

⁷⁶ Ромм (прав. Ром) Жильбер (1750–1795) – француз, приехавший в Россию в качестве воспитателя и остававшийся здесь до 1787 г.

Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович был «первым надзирателем по учебной и нравственной части». И он, как большинство лицейских педагогов, слушал лекции в Геттингенском университете. Вернувшись в Россию, служил он «переводчиком при ученом собрании Академии наук». В лицее он пребывал только два года. Малиновский ему покровительствовал, но Пилецкий не был человеком такого склада, как прочие лицейские преподаватели и воспитатели. Судя по тому, что впоследствии Пилецкий оказался членом хлыстовского кружка Татариновой,⁷⁷ он был мистик и фанатик очень темного толка.

Это был худощавый, высокий человек с лихорадочно горящими глазами, мягкой кошащей походкой, язвительной улыбкой на губах. Под видом отеческой нежности он скрывал недоброе отношение к лицеистам. Юношам он казался «каким-то привидением из другого мира». Его не понимали и не любили. Заметили, что этот загадочный и мрачный человек как-то странно фамильярен с сестрами лицеистов, когда они посещали лицей. Это дало повод для возмущения. Пушкин был одним из вожаков бунта. Лицеисты заявили Пилецкому, что все покинут лицей, если он не откажется от должности «первого надзирателя по учебной и нравственной части». Дело могло бы принять дурной оборот, если бы директор Малиновский не сообразил, что лучше уладить этот скандал мирно, удалив подозрительного воспитателя.

Младшим надзирателем был брат Пилецкого Илья,⁷⁸ ничем не примечательный, кроме своей неграмотности. Вторым воспитателем был А. Н. Иконников.⁷⁹ Он прослужил один лишь год и был уволен за склонность к хмельным напиткам. Пушкин после его отставки был у него. «Вчера, – пишет Пушкин в дневнике 1815 года, – провел я вечер с Иконниковым. Хотите ли видеть странного человека, чудака, – посмотрите на Иконникова. Поступки его поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату: видите высокого, худого человека, в черном сюртуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит, задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки – он дико смотрит на вас – вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или друг – он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя – он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушевым голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним графин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодарениях за ничтожную услугу или простую учти-вость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен, честолюбив. Иконников имеет дарования, пишет изрядно стихи и любит поэзию; вы читаете ему свою пьесу – наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко, зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда».

К этому списку лицейских педагогов надо еще присоединить Калинича, учителя чистописания. Этот педагог, не отличавшийся ни умом, ни образованием, любил говорить высокопарно, выступал «с сенаторской осанкой», на его физиономии появлялась иногда презри-

⁷⁷ Татаринова Екатерина Филипповна (1783–1856), урожд. баронесса фон Буксгевден) – глава великосветской общины хлыстов, вдова героя Отечественной войны. Получила казенную квартиру в Михайловском замке, где в 1818–1824 гг. кружились в белых одеждах, пели, пророчествовали и исцелялись высокопоставленные особы.

⁷⁸ Пилецкий-Урбанович Илья Степанович (1786 – не ранее 1835) – гувернер Царскосельского лицея. Позже помощник директора Дома воспитания бедных детей, коллежский советник.

⁷⁹ Иконников Алексей Николаевич (1789–1819) – внук знаменитого актера Дмитревского, в 1811–1812 гг. гувернер в Лицее.

тельная усмешка, так как он, по-видимому, свысока смотрел на все человечество, и это очень забавляло лицеистов.

Учителем рисования был Чириков. Он же исполнял обязанности гувернера. У него было прозвище Герой Севера в честь сочиненной им поэмы с таким названием. Этот простодушный стихотворец и посредственный рисовальщик обладал ровным и приятным характером. Лицеисты относились к нему дружелюбно и нередко собирались у него в квартире для чтения стихов.

Что касается батюшек-законоучителей, то они, по-видимому, не имели серьезного влияния на лицеистов: протоиерей-царедворец Н. В. Музовский⁸⁰ занят был придворными делами больше, чем лицеем. Его заменял одно время священник Г. П. Павский,⁸¹ тоже состоявший при царях, который по части религиозного вольномыслия мог соперничать с преподавателями-мартинистами и которого впоследствии обличал в ереси Московский митрополит Филарет.⁸² Пушкин отметил неодобрительно в своем дневнике 1835 года эти обличения Филарета: поэт ценил в Павском ученого-филолога, противника Шишкова, и, быть может, поверил Жуковскому, что сентиментальная «религия сердца» придворного попа лучше церковной суровости Филарета: Пушкин всегда был равнодушен к богословским вопросам.

Таковы были учителя и воспитатели поэта. Какую библиотеку он нашел в лицее? Какие книги он читал? В 1811 году библиотека была небогата: книги (опись которых мы теперь знаем) поступили из Александровского дворца и из так называемых яшмовых комнат императрицы только в 1817 году. Все авторы, перечисленные поэтом в его послании «Городок», известны были Пушкину еще до лицея, и новые книги он получал из частных рук. Возможно, что до официальной передачи в лицей дворцовой библиотеки лицеисты ею пользовались. По-видимому, родственники и знакомые также доставляли книги лицеистам без всякой цензуры со стороны начальства. По крайней мере, Пушкин в своих посланиях, даже обращенных к педагогам, откровенно называет имена вольнодумных писателей, а также эротических стихотворцев, иногда вовсе непристойных. В те годы ни в одном учебном заведении не было такой свободы, как в лицее. Журналы и газеты, русские и иностранные, были представлены в лицее довольно щедро, и юноши следили прилежно за литературными новинками и политическими известиями.

⁸⁰ Музовский Николай Васильевич (1772–1848) – законоучитель православного вероисповедания в Царскосельском лицее.

⁸¹ Павский Герасим Петрович (1787–1863) – протоиерей, профессор богословия Петербургского университета, профессор Петербургской духовной академии, крупный филолог. Был отстранен от преподавания вследствие доноса митрополитов Филарета и Серафима.

⁸² Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782–1867) – митрополит Московский с 1826 г. Перефразировал стихи Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» – в «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана», что вызвало ответ Пушкина «В часы забав и праздной скуки» (1830).

II

В первые же дни лицеистам стал доступен царскосельский парк. Здесь, между прочим, недалеко от мраморного мостика была та лужайка, которая сохранила название Розового поля, хотя давно уже на ней не росли розы, посаженные при Екатерине. Весною 1821 года Пушкин, в одном из вариантов «Гавриилиады», вспоминает этот уголок Царского Села:

Вы помните ль то Розовое поле,
Друзья мои, где красною весной,
Оставя класс, резвились мы на воле
И тешились отважною борьбой.

Граф Брольо был отважнее, сильнее;
Комовский же проворнее, хитрее;
Нескоро мог решиться жаркий бой —
Где вы, лета забавы молодой!

Кто это Бролио?⁸³ Кто Комовский? Сильвестр Францевич Бролио или Броглио, шевалье де Касальборгоне, ровесник Пушкина, – потомок знатных, но уже обнищавших сардинских графов. Его отец попал в Россию во время Большой революции, как эмигрант. Последний по успехам в науках и первый по шалостям, Сильвестр Бролио внушал, кажется, Пушкину некоторую симпатию. По окончании лицея Бролио уехал за границу и был участником пьемонтской революции,⁸⁴ очевидно, не разделяя убеждений своего отца-легитимиста.

Сергей Дмитриевич Комовский⁸⁵ не был так простодушен, как Бролио. У него было прозвище Лиса за хитрость и Смола за странную привычку приставать неотвязно к товарищам или к воспитателям по самым разнообразным поводам. Он сам сознавал в себе эту странность. Он также брал на себя роль моралиста и не стыдился жаловаться гувернерам на поведение товарищей. Ему, однако, все это почему-то прощали.

На Розовом поле Пушкин играл в мяч, в лапту и занимался борьбой, причем очень страдал, если его побеждали в состязании. Он был самолюбив и запальчив. Вот почему, укладываясь спать, приходилось ему стучать в стенку тринадцатой комнаты и совещаться с Пуциным о своих столкновениях и обидах, настоящих и мнимых. Приятель его утешал.

Пушкина не очень любили: обижала его насмешливость, его вспыльчивость и, главное, то, что он был не такой, как все. Позднее, когда поверили в его исключительный талант, примирились с его странностями и даже гордились им.

Впрочем, некоторые с первых же дней угадали в нем поэта и признали его превосходство. Илличевский,⁸⁶ бойкий стихотворец, считавшийся в лицее соперником Пушкина, писал в марте 1812 года одному приятелю, что он видит теперь непростительные ошибки в своих стихах: ему указал на них товарищ, у которого «много в поэзии знаний и вкуса» и который жил

⁸³ Бролио (прав. Броглио) Сильвестр Францевич (1799–1820-е гг.) – граф Шевалье де Касальборгоне, лицейский товарищ Пушкина, участник греческого национально-освободительного движения.

⁸⁴ Имеется в виду революционный заговор 1820 г. в Пьемонте (область на северо-западе Италии с центром – Турин), явившийся частью национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства за объединение раздробленной Италии.

⁸⁵ Комовский Сергей Дмитриевич (1798–1880) – товарищ Пушкина по Лицею, где получил прозвище Фискал, Смола, Лисичка-проповедница. Позднее служил в Департаменте народного просвещения.

⁸⁶ Илличевский Алексей Демьянович (1798–1837) – лицейский товарищ Пушкина, поэт.

«между лучшими стихотворцами». Тут же он сообщает, что в лицее «запрещено сочинять, но мы с ним пишем украдкой».

Запрет на поэтические опыты был вскоре отменен. Однажды после класса Кошанский сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». У всех стихи не клеились, и только Пушкин прочел два катрена, которые всех восхитили. Но Илличевский все еще пользовался успехом. Он писал басни и эпиграммы. В день его рождения хором спели ему кантату:

Слава, честь лицейских муз,
О, бессмертный Илличевский!
Меж поэтами ты туз!..

Был в лицее еще один поэт, странный неудачник, чья судьба была так значительна и чей характер был так трагикомичен. Это Вильгельм Карлович Кюхельбекер⁸⁷ – постоянная мишень для школьных насмешек, слагатель плохих стихов с гениальными иногда строчками, будущий участник декабрьского восстания. Это тот Вильгельм, которого Пушкин в своих «Пирующих студентах» просит прочесть стихи, чтобы «заснуть скорее». И это тот же поэт, к которому обращена знаменитая строфа пьесы «19 октября 1825 года»:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Кюхельбекер был самым плодовитым стихотворцем лицея. Длинный и нескладный, «как-то странно извивавшийся всем телом», с пылким сердцем и необузданной вспыльчивостью, «почти полупомешанный», на взгляд иных прозаических товарищей, он был постоянным героем карикатур, и, однако, в этом чудаке было настоящее поэтическое вдохновение, которое, к несчастью, оставалось невоплощенным. На бедного поэта сыпались лицейские эпиграммы слишком обильно и часто без достаточных оснований. Ему даже был посвящен рукописный сборник «Жертва Мому».⁸⁸

Увлечение стихами сказалось, между прочим, в сочинении куплетов, которые в лицее назывались «национальными». Их сочиняли общими силами экспромтом и распевали хором. Иные из этих катренов записал Пушкин. Среди них есть строки по адресу Кюхельбекера:

А Вильмушке поэту
Стихи писать грешно.

Есть куплет, посвященный самому Пушкину, где пародируется восклицание математика Карцова:

⁸⁷ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846) – русский поэт, декабрист. Участник восстания на Сенатской площади. Приговорен к тюремному заключению и вечной ссылке. В заключении написал «Дневник».

⁸⁸ Мом – у древних греков бог насмешки и порицания.

А что читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

Настоящей нежной любовью поэта пользовался барон Антон Антонович Дельвиг. Этот сонный ленивец умел иногда очаровать товарищей своими рассказами, исполненными живо-сти и воображения. Он первый угадал в Пушкине гения, и Пушкин отплатил ему признанием в нем лирической прелести:

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел...

У Пушкина были друзья. Его любил Пущин, ему всегда был верен Малиновский, но ни тот ни другой не знали ничего о тех тайнах поэзии, какие знал Дельвиг. Об этих тайнах дога-дывался, конечно, Кюхельбекер, но он был чужой. У него был какой-то свой мир, торжествен-ный и высокопарный или неуклюже игривый, совсем не прозрачный, старомодный и гордый. Пушкин и уважал его, и смеялся над ним. Не таков был Дельвиг. Этот был свой. Только он один понимал до конца Пушкина и сам был ему понятен. Позднее, за стенами лицея, несмотря на дружбу, пути их разошлись. Пушкин рос не по дням, а по часам, как сказочный богатырь, а Дельвиг, в сущности, так и остался лицейским поэтом. Но оба они были товарищами по «весе-лому ремеслу» стихотворцев. Такого другого собеседника и ценителя в лицее у Пушкина не было. К числу доброжелателей Пушкина надо присоединить еще четырех – Ф. Ф. Матюшкина В. Д. Вольховского, М. Л. Яковлева и К. К. Данзаса.

Ф. Ф. Матюшкин, по слову поэта, «чужих небес любовник беспокойный», со школьной скамьи мечтавший о морской службе и путешествиях, будущий контр-адмирал, участник экс-педиции по обследованию северных берегов Восточной Сибири, был одним из вернейших почитателей Пушкина.

В. Д. Вольховский, первый ученик, окончивший лицей с золотой медалью, всегда вну-шал Пушкину чувство уважения за его мужественный характер, скромность и нравственную чистоту. «Воспитанный суровой Минервой»,⁸⁹ он пленял поэта своей «спартанскою душой». М. Л. Яковлев, балагур и весельчак, прозванный Паяцем за свои актерские способности, талантливый сочинитель романсов на слова Пушкина и Дельвига, постоянный участник лицей-ских журналов, где он помещал свои басни, также был связан дружбою с Пушкиным до конца его дней.

И наконец, К. К. Данзас, один из издателей «Лицейского мудреца», чуть ли не самый ленивый из учеников лицея, доказавший впоследствии свою храбрость и военную находчи-вость в персидском походе и в турецкой кампании 1828–1829 годов. Пушкин считал его своим приятелем.

Вот эти семь-восемь молодых людей и составили тот лицейский кружок, где вскоре Пуш-кин занял первое место.

Почти во всех учебных заведениях, особенно закрытых, создавались рукописные жур-налы. В Царскосельском лицее эта обычная школьная затея стала любимым занятием моло-дежи. Кроме журналов издавались рукописные стихотворные сборники. Почти все лицеисты интересовались литературой. Многие писали стихи. Некоторые из лицеистов были раньше вос-

⁸⁹ «Русской Минервой» называли Екатерину II.

питанниками московского благородного университетского пансиона,⁹⁰ где учился Жуковский и где сложились литературные традиции.

Лицейские рукописные издания начались с первых же дней. Одиннадцатилетний Корсаков⁹¹ уже издавал какие-то Сарско-сельские лицейские газеты». Тогда же, в 1811 году, вышел «Сарско-сельского лицея Вестник», первые листки коего сохранились до наших дней. В этих страничках – ребяческие шутки, пародирующие газетные сообщения, детское стихотворение Илличевского и совершенно дикий и несуразный стихотворный перевод с французского Кюхельбекера. Пушкин запомнил эту нескладицу и цитировал ее по памяти спустя десять лет в письме к брату: «Страх при звоне меди заставляет народ уstraшенный толпами стремиться в храм священный. Зри, боже! число, великий, унылых, тебя просящих, сохранить им – цел труд, многим людям – принадлежащий и проч.». Дошли до нас еще отрывки из журнала «Для удовольствия и пользы». Был еще журнал «Юные пловцы», о котором мы узнаем из сохранившегося письма в редакцию «отставного гувернера» Иконникова, который, между прочим, пишет: «Уважая ваши занятия, которых основанием и целью суть охота к усовершенствованию себя в российской словесности, приемлю смелость покорно просить вас, милостивые мои государи, господа издатели, о принятии и меня, любителя отечественного языка и, смею сказать, полезных упражнений, в ваши корреспонденты...» Это послание датируется 1813 годом.

Уцелела тетрадь в красном сафьяновом переплете. На лицевой стороне переплета в золотом венке означен 1815 год. Это «Лицейский мудрец». Он издавался и в начале 1816 года. Здесь несколько занятных акварельных карикатур Илличевского. Статьи переписывал своей рукой Данзас. «Цензором» помечен Дельвиг. Это был журнал юмористический. В нем нет стихов Пушкина. Нет их и в сохранившейся другой тетради, названной издателями лицейской антологией «Мудрец-поэт».

А как учились лицеисты и каковы были успехи Пушкина?

Н. Ф. Кошанский 15 марта 1812 года, до того как слег в постель, успел дать о своем ученике-поэте следующий официальный отзыв: «Александр Пушкин больше имеет понятливости, нежели памяти, более имеет вкуса, нежели прилежания; почему малое затруднение может остановить его; но не удержит: ибо он, побуждаемый соревнованием и чувством собственной пользы, желает сравняться с первыми питомцами. Успехи его в латинском хороши; в русском не столько тверды, сколько блистательны».

С немецким языком дело обстояло плохо. Гауеншильд отмечает, что до лицея Пушкин немецким языком не занимался и, кажется, и в лицее к этому не склонен, но, если бы захотел, мог бы сделать успехи, так как обладает памятью и сообразительностью.

Напротив, де Будри свидетельствует о хороших успехах Пушкина во французском языке.

Любопытны отзывы о Пушкине того самого воспитателя Пилецкого, которого лицеисты считали изувером и даже добились его изгнания.

«Пушкин Александр, – пишет Пилецкий, – имеет более блистательные, нежели основательные, дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий, ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие не сделалось еще его добродетелью. Читав множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он память свою многими удачными местами известных авторов; довольно начитан и в русской словесности, знает много басен и стишков. Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность с остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и

⁹⁰ Благородный пансион при Московском университете – закрытое среднее учебное заведение для дворянских детей с 6-летним сроком обучения, дававшее право на поступление в университет.

⁹¹ Корсаков Николай Александрович (1800–1820) – один из самых даровитых лицеистов. Служил в Коллегии иностранных дел. В 1819 г., будучи причисленным к римской миссии, уехал в Италию, где вскоре умер от чахотки.

добродушие; познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом. Его словоохотность и остроумие восприняли новый и лучший вид с счастливою переменой образа его мыслей, но в характере его вообще мало постоянства и твердости».

Профессор Карцов свидетельствует, что Пушкин в математике «успехов приметных не оказал».

Куницын, которого позднее так сочувственно помянул в стихах Пушкин, вторит Карцову, что поэт хотя «замысловат и остроумен», но успехов не оказывает «по части логики».

А Пилецкий даже записал в дневнике собственные слова Пушкина: «Признаюсь, что логики я, право, не понимаю». Силлогизмы для него, оказывается, невняты, и он подозревает, что и вообще они сомнительны. Однако в официальном журнале по логике у Пушкина отмечены успехи.

Илья Пилецкий свидетельствует о дурном поведении Пушкина. Поэт дразнил товарища Мясоедова⁹² и сказал ему какие-то стихи, которые отказался повторить Пилецкому. Горчакова⁹³ называл «вольною польскою дамою». Вообще Пушкин ведет себя «смело и ветрено». Когда в классе Гауеншильда Пилецкий попробовал отнять у Дельвига какую-то бумагу, Пушкин «с непристойной вспыльчивостью» сказал ему: «Как вы смеете брать наши бумаги! Стало быть, и письма наши из ящика будете брать!...»

⁹² Мясоедов Павел Николаевич (1799–1868) – лицейский товарищ Пушкина. Чиновник канцелярии Министерства юстиции, помещик Тульской губернии.

⁹³ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – известный государственный деятель, в 1856–1882 гг. – министр иностранных дел, с 1863 г. – канцлер.

III

Император Александр как будто забыл про лицей, которым он так интересовался при его открытии. Александру было не до того. С начала 1812 года он готовился к «оборонительной» войне с Наполеоном. Лицейсты жадно следили за ходом событий. Русские войска стояли на западной границе. В июне 1812 года Наполеон с огромной армией без объявления войны перешел Неман и вторгся в пределы России с намерением отрезать армию Барклая-де-Толли от армии Багратиона. Началось великое отступление двухсоттысячной русской армии перед шестисоттысячной армией Наполеона. «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской, – пишет в своих воспоминаниях будущий декабрист Пущин. – Приготовилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов...» Среди уходивших на войну были знакомые, друзья, родные. «Усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита», – стыдливо признается Пущин.

«Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; Кошанский читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях...»

Многие не понимали, почему Барклай-де-Толли, соединившись с Багратионом, продолжает отступать. Назначение Кутузова главнокомандующим, Бородинская битва и странный, загадочный пожар Москвы – все это волновало воображение поэта. Эпоха была не бедная грозными событиями. И вот растаявшая в полях России наполеоновская армия бежит, лениво преследуемая русскими. Однако к лету 1813 года Александр ведет русские войска в Европу, создает новую коалицию. Под Лейпцигом происходит страшная «битва народов».⁹⁴ Наконец, весной 1814 года во главе союзных войск Александр вошел в Париж.

Патриотизм молодых дворян, учившихся в лицее, получил удовлетворение. Даже в 1825 году Пушкин, не любивший Александра, в лицейскую годовщину в плену ссылки поминает его великодушно:

Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей...

В марте 1814 года неожиданно умер добродушный Василий Федорович Малиновский. Лицей остался без директора. Пушкин в числе прочих лицейстов провожал тело покойного. Впереди ехал отряд полицейских драгун. Далее следовали воспитанники в сопровождении гувернеров и надзирателей, за ними духовенство. Певчие пели, что полагается. Профессора шли по сторонам гроба. У Царскосельской заставы протопресвитер Музовский отслужил панихиду. Лицейсты простились здесь со своим директором. Только пять из них провожали тело его до Большого Охтенского кладбища в Петербурге. Среди этих пяти был, по-видимому, Пушкин. По крайней мере, впоследствии С. И. Штакеншнейдер⁹⁵ рассказывала, что Пушкин и ее отец, сын покойного директора, поклялись в вечной дружбе на свежей могиле Василия Федоровича Малиновского. Дружба, в самом деле, продолжалась до конца жизни поэта.

⁹⁴ Лейпцигское сражение, получившее название «битва народов», произошло 1–7 (16–19) октября 1813 г. между союзными (русскими, австрийскими, прусскими и шведскими) войсками и армией Наполеона I.

⁹⁵ Штакеншнейдер С. И. – внучка В. Ф. Малиновского. Ее мать – Мария Ивановна Пущина (ум. не ранее 1856), сестра И. И. Пущина.

В. Ф. Малиновский ничем значительным не отметил своего трехлетнего управления лицеем. Но и худого про него никто не мог сказать ничего. Он был одним из тех администраторов-педагогов, которые думают, что самое лучшее – как можно меньше управлять и руководить и что все устраивается само собою. После его смерти, однако, в течение двух лет, до марта 1816 года, когда Е. А. Энгельгардт вступил в должность директора, в лицее было настоящее «безначалие», как пометил Пушкин в своей программе воспоминаний. В эти годы беспорядок был немалый.

В 1814 году, 5 сентября, Пушкину, Малиновскому и Пушину вздумалось устроить гоголь-моголь. Приятели угощали товарищей. Ром подействовал на некоторых неопытных гуляк. Донесли начальству, и ненавистный лицеистам Гауеншильд, временно исполнявший обязанности директора, донес, в свою очередь, о преступлении министру Разумовскому. Ленивый граф не поленился на этот раз приехать из Петербурга в лицей, вызвал к себе Пушкина и его приятелей и сделал им строжайший выговор. Конференция профессоров приговорила юных преступников «две недели стоять, на коленях во время утренней и вечерней молитвы», что и было исполнено. Наказание это как-то не вяжется с лицейской вольностью. Пушкину в это время было пятнадцать лет, а Малиновскому уже девятнадцать! Кроме того, имена провинившихся были занесены в «черную книгу». И это могло бы иметь последствия при выпуске из лицея, если бы К. А. Энгельгардт не предложил конференции профессоров предать забвению этот случай.

IV

Вокруг Пушкина шумела юная лицейская жизнь, и сам он принимал в ней участие: изгонял Пилецкого», распевал «национальные песни», соперничал в шалостях с Бролио и Малиновским; восхищался удачником и красавцем князем Горчаковым, будущим канцлером, и его же дразнил забавно; но в это же время поэта непрестанно тревожила и соблазняла его отроческая муза.

«Не только в часы отдыха от учения, – рассказывает о Пушкине в своей записке С. Д. Комовский, – в рекреационном зале,⁹⁶ на прогулках, но нередко в классах и даже в церкви ему приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось от улыбки, смотря по роду дум, его занимавших. Набрасывая же мысли свои на бумагу, он удалялся всегда в самый уединенный угол комнаты, от нетерпения грыз обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное».

Первые поэтические замыслы Пушкина относились к жанру больших поэм, эпических повествований и театру. Почти все эти опыты утрачены. Мы знаем лишь их названия – какой-то роман «Цыган», комедия «Философ» и другая комедия, написанная вместе с М. Л. Яковлевым, – «Так водится в свете». Из ранних поэм до нас дошла только неоконченная поэма «Монах» и совершенно непристойная «Тень Баркова».⁹⁷

На этих двух последних вещах сказалось влияние несвоевременно прочитанных Пушкиным Вольтера и Парни и тех «сочинений, презревших печать», о которых пятнадцатилетний поэт упоминает в своем «Городке»,⁹⁸ где он восклицает не без иронии:

Велик, велик – Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты,.....
Не стану я писать.

«Тень Баркова», к сожалению, была уже к этому времени написана.

По-видимому, африканская кровь рано волновала сердце поэта, а эротическая литература, распушенность нравов тогдашней дворянской среды и, в сущности, полная беспризорность в лицее – все благоприятствовало пристрастию к соблазнительной тематике. Надо удивляться не тому, что четырнадцатилетний Пушкин писал непристойные стихи, а тому, что он в эти отроческие годы все-таки сохранил чистоту сердца, несмотря на видимость чувственных увлечений и грубость скабрёзных слов.

Но это целомудрие поэта было закрыто для посторонних внешней бравадой легкомыслия и цинизма. Любопытно суждение о Пушкине такого сухого и поверхностного человека,

⁹⁶ Рекреационный зал – зал для отдыха во время перемен между уроками.

⁹⁷ «Тень Баркова» – лицейская баллада Пушкина. Долгое время не публиковалась. Барков Иван Семенович (1732–1768) – поэт и переводчик, автор многочисленных эротических произведений.

⁹⁸ Стихотворение «Городок» написано в 1814 г. (?), напечатано в 1815 г. Под именем Свистова в нем выведен И. С. Барков.

как барон Корф. «У него господствовали, – писал он, – только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обеих он ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части: злые насмешки – часто в самых отвратительных картинах – над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями – общественными и семейными – это было ему нипочем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил даже более и хуже, нежели в самом деле думал и чувствовал».

Странно, что этот неприязненный отзыв о поэте написан и 1854 году, спустя лет восемнадцать после его кончины, когда можно было бы, казалось, уразуметь трагический смысл удивительной жизни.

1814 год ознаменован уже такими поэтическими опытами, которые свидетельствуют о будущей необычайной судьбе поэта. Эти отроческие стихи кажутся нам теперь слабыми, потому что мы знаем зрелого Пушкина, но в тот 1814 год они прозвучали для современников как неожиданные и пленительные. Пятнадцатилетний Пушкин уже соперничает с Батюшковым и Жуковским.

Пусть все эти стихи навеяны литературными реминисценциями; пусть они лишены глубокого и значительного содержания; пусть они еще несовершенны и неровны: но все это искупается какою-то чудесной игрою пушкинского хмеля. В каждой пьесе слышится пушкинский голос – даже в подражании Макферсону,⁹⁹ чуждому ему по духу, с которым он познакомился, вероятно, по переводам Кострова¹⁰⁰ или по французским переводам. Но Оссиан, конечно, не мог по-настоящему очаровать своей туманной меланхолией такого горячего и влюбленного в жизнь отрока, каким был Пушкин. Анакреонтический жанр¹⁰¹ наиболее тогда отвечал настроению этого ученика Парни.

«Блаженство» и «Опытность», может быть, самые искренние пьесы отрока Пушкина. Я не говорю уже об автобиографическом значении таких стихотворений, как «Городок», где остроумно представлена вся библиотека Пушкина, все его тогдашние литературные пристрастия, от которых он не так скоро освободился. Иные характеристики по меткости и остроте занимательны до сих пор. Портрет Вольтера превосходен:

Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!

Занятен и Лафонтен:

И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекий в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!

⁹⁹ Макферсон Джемс (1736–1796) – шотландский поэт, переводчик Гомера.

¹⁰⁰ Костров Ефим Иванович (1750 или 1752–1796) – русский поэт и переводчик. Происходил из крестьян. Перевел «Золотого осла» Апулея и «Илиаду».

¹⁰¹ Анакреонтический жанр – жанр любовной лирики, названный по имени знаменитого древнегреческого поэта Анакреонта (VI–V вв. до н. э.).

«Пирующие студенты» по веселой вольности напева, по живости характеристик любопытны и в наши дни даже независимо от биографических черт, имеющих в этой пьесе.

Наконец, в этот же 1814 год в стихах Пушкина нашла свое отражение его мальчишеская страсть. Откровенная чувственность «Послания к Наталье» сочетается с такой легкой и тонкой улыбкой, что даже не верится, что пьеса написана мальчиком. Предметом этого увлечения была крепостная актриса графа В. В. Толстого, у которого был свой домашний театр в Царском Селе, куда был открыт доступ лицеистам. Актриса, в которую влюбился Пушкин, исполняла в этом театре первые роли, но, кажется, вовсе лишена была дарования. По крайней мере, на следующий год поэт посвятил ей посланье, в котором, восхищаясь ее женской прелестью, откровенно смеется над беспомощной игрою красавицы.

Прошло первое трехлетие лицейской жизни. Предстоял экзамен и переход на старший курс. Там, за этим рубежом, начиналась новая жизнь – новые встречи с поэтами, знакомство с Карамзиным, дружба с Чаадаевым, сотрудничество в журналах...

А. И. Галич уговорил Пушкина к торжественному экзамену написать оду по поводу событий 1812–1814 годов. Поэт принял этот заказ и написал «Воспоминания в Царском Селе». 8 января 1815 года в лицее состоялись торжественные экзамены. О них Пушкин оставил воспоминание весьма примечательное. Лицеисты с волнением ждали Державина, который должен был присутствовать на лицейских испытаниях. Дельвиг выскочил на лестницу, чтобы поцеловать руку, написавшую «Водопад».¹⁰² Когда в сенях Державин спросил швейцара: «Где, братец, здесь нужник?» – разочарованный Дельвиг отложил свое намерение и вернулся в залу. Начались экзамены. Старик Державин, в мундире и в плисовых сапогах, сидел, усталый, подперши голову рукою. «Лицо его было бессмысленно; глаза мутны, губы отвислы...» «Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной». Наконец вызвали Пушкина. Он прочел свои «Воспоминания в Царском Селе, стоя в двух шагах от Державина. «Я не в силах описать состояния души моей, – пишет Пушкин, – когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

¹⁰² «Водопад» – ода написана в 1791 г. на смерть Потемкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.